

Действующие лица

Список пассажиров теплохода «Зодиак»:

Миссис Родерик Аллейн
Мисс Хейзл Рикерби-Каррик
Мистер Кэли Бард
Мистер Стенли Поллок
Доктор Френсис Натуш (врач)
Мистер Эрл Дж. Хьюсон
Мисс Салли-Лу Хьюсон
Преподобный Дж. де Б. Лазенби

Экипаж теплохода «Зодиак»:

Джеймс Тритуэй, шкипер
Миссис Тритуэй, кок и буфетчица
Том Тритуэй, юнга

Лица, живущие в Толларке или в его окрестностях:

Джо Бэг, агент по продаже подержанных товаров

Миссис Бэг, его мать
Мистер и миссис Джон Смит, стилияги

Полиция:

Старший инспектор Элберт Тиллотсон, полиция Толларка

Постовой Кейп, полиция Толларка

Старший инспектор Р. Бонни, полиция Лонгминстера

Констебли из полиции графства

Старший инспектор Аллейн, уголовно-следственный отдел, Лондон

Инспектор Фокс, уголовно-следственный отдел, Лондон

Агент Бэйли, уголовно-следственный отдел, Лондон

Агент Томпсон, уголовно-следственный отдел, Лондон

I

За справками обращаться сюда

— Артист всегда действовал наверняка, — рассказывал Аллейн. — К делам он готовился тщательно, не надеясь на случай, работал, как говорится, со вкусом и не жаловался на связанные с его профессией неприятности. Принимая то или иное решение, он смело шел на риск, но думаю, что убивал не ради удовольствия, а по необходимости. Его способности полностью соответствовали избранной им профессии: ловкость рук, поразительная дотошность, недюжинный математически точный ум, богатое воображение и при этом крепкие нервы. И наконец, главное: он превосходный имитатор. Это талант врожденный, выучиться ему нельзя. С самого детства Артист обладал виртуозным даром подражания. Он не только подражал манере говорить и поведению разных людей, он инстинктивно чувствовал, как они должны вести себя в определенных обстоятельствах.

Неудивительно, — сказал Аллейн, — что он так долго водил нас за нос.

Он обвел взглядом аудиторию: шесть рядов коротко остриженных голов. Действительно ли туповатые с виду настолько тупы, как это кажется? Действительно ли так уж способен тот, во втором ряду, тот малый, прибывший сюда с отличной аттестацией? Он продолжал:

— Я решил остановиться именно на Артисте, потому что в нем одном сконцентрировались все те черты, которые у других убийц встречаются по отдельности. Его настоящее имя Фолджем. Он родился в Иоганнесбурге, получил хорошее образование и, по слухам, года два изучал медицину, но с детства пошел, так сказать, по плохой дорожке. Кличку ему дали еще в Южной Африке его сообщники, и она привилась: под ней он и известен полиции многих стран. Я начну свой рассказ с момента его удивительно остроумного побега из боливийской тюрьмы 7 мая позапрошлого года.

Несколько человек застрочили карандашами в тетрадках. Эту свою лекцию старший инспектор Аллейн читал на курсах повышения квалификации при полицейском колледже.

— Вследствие необычайного стечения обстоятельств, — начал Аллейн свой длинный рассказ, — я оказался лично причастным к этому делу. «Лично», то есть не только по долгу службы, но и как частное лицо. Случилось так, что моя жена...

1

«...и главное: выставка является обзором творческого пути художницы, но отнюдь не его итогом; художница продолжает исследовать, искать, и эти поиски доставляют и ей, и нам, зрителям, безмерную радость».

— Господи боже мой! — пробормотала художница, в чью честь был сложен этот панегирик, и украдкой отложила в сторону утреннюю газету. Она вышла из ресторана гостиницы, расплатилась по счету, договорилась, что зайдет за багажом перед отходом лондонского поезда, и отправилась прогуляться.

Гостиница находилась недалеко от реки. Летнее солнце освещало приземистые викторианские торговые постройки, однообразные ряды которых изредка разбивались высокими домами, напоминающими гигантские вертикально поставленные вафельницы. Сквозь утреннюю дымку виднелись готические шпили и неуклюжее здание ратуши. Трой повернулась к ратуше спиной и стала спускаться к реке. Чем ближе она подходила к набережной, тем больше менялся вид улиц: к реке вели узенькие улочки, мощенные булыжником. Трой прошла мимо лавки, пекарни, пахнувшей свежеспеченным хлебом, ломбарда, магазина подержанных запчастей, и тогда наконец перед ней открылась живописная панорама реки. «Причальный переулок» — так гласила надпись — вел к берегу, где на причале стояли речные суда. Но еще не дойдя до берега, Трой наткнулась на

контору Компании увеселительных речных прогулок. К оконному стеклу были приклеены выцветшие объявления, где сообщалось о всевозможных рейсах. Пока она проглядывала их, какой-то человек показался в окне и приклеил к стеклу только что написанное объявление; заметив Трой, он слегка улыбнулся и, пятясь, исчез.

Она прочла объявление:

*На теплоходе «Зодиак»
освободилась одноместная каюта
Отплытие сегодня.
За справками обращаться сюда*

В витрине были выставлены фотографии теплохода в пути и на стоянках. Рейс от Норминстера до Лонгминстера и обратно длился пять дней. Ночлег и пансион на теплоходе. Раскрытая брошюрка сообщала, что рейс проходит по местам, связанным с историческими событиями. «Пять дней вне времени», — восклицал автор брошюрки, как видно, любитель цветистых фраз.

У Трой выдалось тяжелое лето: сперва она готовила персональную выставку, а через несколько недель картины нужно везти в Париж, а затем в Нью-Йорк. Муж был в командировке в Америке, сын учился в Гренобле. Трой представила себе утомительную поездку в железнодорожном вагоне, грустное возвращение, летнюю лондонскую духоту, пустой дом. Неожиданно для себя она открыла дверь, подумав: «На пять дней покину время».

2

«Мое двуличие, — писала мисс Рикерби-Каррик, — беспредельно!»

Она рассеянно взглянула на кончик шариковой ручки и громко откашлялась.

«Взять хотя бы, — писала она, — мою филантропию. Или, скорее, так как я не против творчества, мои добродейния».

— Нет! — вслух воскликнула она. — Это не годится. Добродейние — отвратительное слово, просто ужасное.

Оглянувшись, она встретила глазами с худенькой дамой в темно-синем полотняном платье, сидевшей на чемодане, как и она сама.

— Добродейние, — повторила мисс Рикерби-Каррик. — Как по-вашему, остроумное это слово?

— Это зависит, вероятно, от контекста.

— Вы с таким удивлением глядите на меня.

— Да? — спросила Трой Аллейн, которая и в самом деле с изумлением смотрела на свою собеседницу. — Простите, я задумалась, я сейчас была где-то за тысячу миль отсюда.

— Хорошо бы и мне там же оказаться. Или нет, — поправила мисс Рикерби-Каррик, — я опять неточно выразилась: хорошо бы мне очутиться где-то за тысячу миль от самой себя. Уверю вас, — добавила она и снова что-то застрочила в своей тетради.

Трой внимательно оглядела ее. Сидящая перед ней фигура была скорее нелепа, чем смешна. Все

нескладно. Казалось, кто-то бросил в нее унылый свитер, бордовый костюм, а чуть повыше вязаную жокейскую шапочку, а они так и прилипли. У нее была странная манера выставлять зубы, растягивая рот, отчего казалось, что она то и дело усмехается. Вцепившиеся в ручку пальцы были искривлены артритом.

— Мое имя, — представилась она, — Хейзл Рикерби-Каррик. Приходская старая дева. А вас как зовут?

— Аллейн.

— Миссис?

— Да. — И, минуту помедлив, добавила, поскольку этого, очевидно, от нее ждали: — Агата.

— Странно, — недовольно сказала мисс Рикерби-Каррик. — А я решила, что вы К. Дж. З. Андропулос, каюта 7.

— Каюта действительно была заказана кем-то по фамилии Андропулос, но в последнюю минуту заказ отменили. Это произошло только сегодня утром. Я тут случайно оказалась... по делу, увидела объявление и почему-то вдруг решила взять билет, — сказала Трой.

— Вот оно что? Занятно. — Они помолчали. — Стало быть, едем вместе? В странствие по реке, — заключила мисс Рикерби-Каррик цитатой из брошюры.

— Вы едете на «Зодиаке»? Да, мы будем вместе, — сказала Трой, надеясь, что ее слова звучат достаточно дружелюбно.

Мисс Рикерби-Каррик прищурила глаза, выставила зубы и заметила, что им, наверное, предстоит весьма приятный вояж. Некоторое время она разглядывала Трой, а потом снова начала писать.

По булыжной мостовой подъехала блестящая машина и остановилась чуть поодаль. Из машины вышел шофер в форменной одежде; подойдя к причалу, он надменно осмотрелся, вернулся, что-то сказал в заднее окошко невидимому пассажиру и снова уселся за руль.

«Я прихожу в ужас, — писала в тетради мисс Рикерби-Каррик, — когда задумываюсь о мотивах, побуждающих меня действовать. Вот пример. В моем кругу (конечно, весьма узком) меня считают очень милой и доброй особой, которая всегда готова всем помочь. Мне это очень нравится. Люди приходят ко мне с горем. Бросаются мне на шею и плачут. И я так довольна! Я на редкость хорошо умею быть хорошей. Уверена, что они рассказывают друг другу, какая я хорошая. «Хей Рикерби-Каррик, — говорят они, — такая хорошая». И я вправду такая. Я делаю все, чтобы поддержать свою репутацию. Я иду на жертвы, самоотверженно веду себя в автобусах, стоймя стою в метро и уступаю место в очередях. Я навещаю престарелых, утешаю обремененных горем, и если им это не нравится, это уж их печаль. Сама поражаюсь, до чего я хорошая. О горе, горе, горе мне».

На раскрытую страницу упали две капли. Мисс Рикерби-Каррик громко шмыгнула носом.

«И вот так целых пять дней? — ужаснулась про себя Трой. — Она, наверно, ненормальная. Господи, да у нее насморк».

— Простите, — сказала мисс Рикерби-Каррик, — у бедя дебольшой дасборк. — Слегка приоткрыв рот, она издала какой-то хлюпающий звук.

Трой попыталась вспомнить, нет ли дневного поезда в Лондон.

— Вас, вероятно, интересует, — сдавленным голосом произнесла мисс Рикерби-Каррик, — почему это я сижу на чемодане и пишу? Дело в том, что в последнее время я начала вести дневник.

— Да что вы? — жалобно сказала Трой.

К причалу приближался симпатичный на вид человек в старомодном костюме из твида и матерчатой кепке. На плече у него, кроме рюкзака, висел квадратный ящик на лямке, а в руке он нес что-то завернутое в брезент. Трой решила, что эта штука напоминает изуродованную теннисную ракетку. Увидев женщин, он снял кепку и так и не надел ее обратно. Он был рыжеват, конопат, с голубыми глазами — один из них чуть косил, что отнюдь не портило его лица, на котором застыла выжидательная улыбка.

— Доброе утро, — сказал он. — Мы, вероятно, попутчики?

Трой это подтвердила, а мисс Рикерби-Каррик, лицо которой слегка опухло, закивала, улыбнулась и шмыгнула носом. Кивала она энергично.

— «Зодиака» пока не видать, — сказал пришелец. Он мельком взглянул на мисс Рикерби-Каррик, а затем внимательно на Трой. — Меня зовут Кэли Бард.

— Я Трой Аллейн, а это мисс Рикерби-Каррик.

— Но вы же сказали, что вас зовут Агата, — напомнила мисс Рикерби-Каррик, и Трой почувствовала, что краснеет.

— Это действительно так, — пробормотала она. — Трой просто шуточное прозвище, это мой муж придумал... — Она смешалась и тут же почувствовала, что мистер Бард внимательно разглядывает не только ее, но и выдавший виды этюдник у ее ног. Однако он ничего не сказал, только сдержанно обронил: «О, в самом деле?» Когда она смущенно посмотрела на него, он лихо подмигнул ей, чем привел в полное замешательство.

Из этого состояния ее вывело появление молодой парочки на допотопном мотоцикле. Металлические заклепки на их кожаных костюмах и высоких сапогах блестели, освещенные полуденным солнцем. Из-под шлемов на плечи космами падали грязные и сальные волосы.

Мотоцикл проскочил мимо стоявшей машины с шофером и, чихая, остановился. Девушка и мотоциклист спустили на землю ноги и принялись жевать резинку. «Ни у кого не бывает таких наглых рож, — подумала Трой, — как у людей, жующих резинку»; у нее зачесались руки от желания несколькими резкими штрихами нарисовать эту парочку.